

ПРОЦЕСС ПЕРЕХОДА К ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В БЕЛЬГИИ (1830-1916)

ОРМОНБЕКОВ Ж.Т.

Московский государственный институт международных отношений

В результате имплементации решений знаменитого Венского конгресса 1814-1815 годов в Западной Европе возникло еще одно маленькое государство – Королевство Бельгия. Королем законодательный орган новоиспеченного государства избрал представителя Саксен-Кобург-Готской династии Леопольда I.

Таким образом, оформившись в 1830 году как независимое государство, новая Бельгия объединила валлонов и фламандцев в единый народ. Здесь сразу же возникает вопрос «Почему при наличии многовекового этнического конфликта решено было образовать единую Бельгию, а не два отдельных государства – Фландрию и Валлонию?». Ответом на вопрос может послужить сама история. Валлоны и фламандцы выступали единым фронтом во время революций против австрийцев и голландцев, и это стало причиной того, что у обоих народов сложилось чувство национального самосознания. К тому же нельзя отбрасывать тот факт, что два народа несколько веков жили вместе в период владычества испанцев. Религиозная идентичность тоже сыграла свою роль. Но здесь необходимо помнить и о внешнем факторе. Единая Бельгия была выгоднее для великих держав, в частности для Англии, стремившаяся к ослаблению Франции. Созданием Бельгии англичанам удалось нейтрализовать франкофонскую Валлонию проанглийской Фландрией.

Особо важную роль в дальнейшем развитии разногласий между валлонами и фламандцами уже в рамках одного государства сыграли два документа. Первый – постановление бельгийского Правительства от 16 ноября 1830 года, в котором говорилось о том, что «*официальные бюллетени законов и актов Правительства будут издаваться на французском языке*» (Mabille, 1986: 125). А вторым документом стала новая конституция, 23-статья которой лишь закрепляла эту тенденцию: «*Употребление языков, принятых в Бельгии, не являются обязательным, оно может быть регламентировано только законами и только в отношении актов государственной власти и для судопроизводства*» (Конституции зарубежных стран, 1957). Таким образом, конституция 1830 была направлена на то, чтобы изолировать районы, население которых не говорило по-французски от активной экономической и политической жизни. Деловая и политическая элита Бельгии имела франкофонный характер, и поэтому места в парламенте распределялись неравномерно – в пользу валлонов. Главным лозунгом франкофонов стало выражение: "*La Belgique sera latine ou ne sera pas!*"¹.

Голландский язык повсеместно игнорировался, и фламандское население довольствовалось неофициальными переводами важнейших документов в различ-

¹ «Бельгия будет либо латинской, либо ее не будет вообще!» из статьи Lauwers T. Vlaamse beweging // http://www.geocities.com/groep_63/lauwers_035.htm

ных сферах, что ограничивало их участие в политической жизни страны. Это объясняется тем, что в глазах франкоязычной элиты, которая управляла страной, фламандский/нидерландский язык представлял не только угрозу для только что завоеванного единства страны, но и якобы стоял на пути прогресса (в то время Фландрия переживала кризисные годы). Распространение французского языка также объяснялось и экономическими факторами: активно развивалась экономика Валлонии (развивалась черная металлургия), в то время как фламандские регионы пришли в упадок, даже ранее прибыльная текстильная промышленность была в состоянии кризиса.

Французский язык, в качестве официального языка государства и политико-экономической элиты, получает, таким образом, и социальный статус. Он отождествляется с прогрессом и культурой, тогда как нидерландский язык ассоциируется с незнанием и отсталостью. Язык большинства населения не преподается и не имеет никакого престижа, используется исключительно в быту, а для того чтобы подняться вверх по социальной лестнице следовало знать французский или быть, по крайней мере, двуязычным.

Вот таким образом была установлена тесная связь между языком и социальным статусом. Бельгия оказалась разделенной двумя лингвистическими границами: к территориальной границе, исторически разделявшей, фламандцев и валлонов добавилась социальная лингвистическая лестница, которая поделила все население страны, в том числе и Брюссель, между темными и отсталыми нидерландоязычными, и богатыми, просвещенными франкофонами.

Необходимо также отметить, что в это же время зародилась еще одна до сих пор полностью неразрешенная проблема – вопрос о статусе Брюсселя. Выбор французского языка в качестве официального языка нового бельгийского государства имел тяжелые последствия для его столицы – Брюсселя, который являлся нидерландоязычным, исконно фламандским городом. Но после 1830 года город становится центром централизованного и унитарного государства, где полностью французская финансово-экономическая и политическая элита, культурная и светская жизнь начинают прогрессивно развиваться вокруг этого политического центра, способствуя офранцузиванию столицы.

Под влиянием процессов демократизации общества и повышения уровня образования все больше фламандцев стали связывать свое социально-экономическое отставание с неравноправным статусом своего языка. В результате активизировалось Фламандское Движение, участники которого в основном выражали свои идеи на страницах газет и в литературных трудах. Фламандское Движение основывалось на идеях Просвещения и Великой Французской революции, поддерживалось новым поколением, выросшим во времена сосуществования с Голландией. Романтичный XIX век придал Движению сознание национальных ценностей, а зарождавшиеся социалистические идеи укрепили политическое положение «маленького человека». Но по существу Фламандское Движение было направлено не против политического строя независимой Бельгии, а против франкофонства. Идейным лидером Движения являлся филолог Ян Франс Виллемс (1793-1846), который призывал к сохранению голландского языка. Основной целью Движения была борьба за равенство языков во всех сферах деятельности бельгийского общества. Однако цели Движения менялись с каждым годом: так, сравнение с тогдашним состоянием и богатым прошлым привело к сознанию того, что необходимо вернуть прежние позиции голландского языка.

Также участники Движения стремились к более тесным отношениям с Нидерландами для создания такой культуры, которую можно было бы противопоставить французской.

В 1832 году была опубликована первая брошюра Фламандского Движения под названием «Несколько заметок о невнимании к нидерландскому языку» («Aanmerkingen over de verwaarloosing der nederduitse taal»). В ней франкофоны осуждались в несправедливом и неравноправном отношении к фламандцам. Там же и содержалось положение о языке этнического сообщества как обязательного условия интеграции общественной жизни всего государства (**Haegendoren: 27-29**). Фламандцы требовали равных условий для развития наряду с валлонами, также выражали нежелание терять национальную идентичность фламандской народности и голландского языка. Таким образом, речь шла о культурной и языковой автономии, было очевидным, что больше усилий прилагалось именно для защиты культурно-языковых прав фламандцев, в то время как экономические мотивы, в отличие от валлонов, отодвигались на второй план.

В 1844 году впервые встает вопрос о введении единой системы правописания для нидерландского и фламандского языков. По мнению некоторых деятелей Фламандского движения такая привязка фламандского к своему «старшему брату» способствовала бы сохранению языка в Бельгии. Развернувшаяся дискуссия продемонстрировала внутренний раскол среди борцов за равноправие фламандского языка, и завершилась лишь в 1864 году победой сторонников единой с нидерландским языком системой правописания.

Петиции и манифесты стали единственной возможностью для Фламандского Движения для выражения их требований: Петиция «Ста тысяч» 1840 года или Манифест деятелей искусства Антверпена 1855 года стали самыми заметными среди тысяч таких документов. Именно в результате Антверпенского манифеста в 1856 году была образована специальная комиссия для разрешения вопроса о статусе фламандского языка, так называемая «Хрифенскомисси» (Grievenscommissie).

Результатом работы Комиссии стали «Предложения Хрифенскомисси» суть которых заключалась в том, чтобы все документы писались на двух языках. Но «Предложения» не встретили одобрения и поддержки в правящих кругах (правительство отказалось опубликовать заключения Комиссии). Работа Комиссии носила рекомендательный характер, и не дала никаких результатов для придания голландскому языку официального статуса.

Таким образом, несмотря на попытки со стороны фламандской части населения, нидерландский язык оставался второсепенным в общегосударственном значении. Поэтому первые лингвистические притязания горстки фламандских интеллектуалов, объединившихся во Фламандское Движение, оказались чрезвычайно скромными. Интеллектуалы требовали лишь того, чтобы общественная жизнь во Фландрии не развивалась исключительно на французском языке: фламандцы, по их мнению, должны были иметь право получать образование, обращаться к правосудию и административным органам на их родном языке.

Участие с 1860 года представителей Фламандского Движения в муниципальных и парламентских выборах является доказательством того, что Движение начинает приобретать политический характер. Но при этом им не удается создать свою партию, так как участники Движения разделились в политических и социальных вопросах (кроме статуса голландского языка) на либералов и

54 **ПРОЦЕСС ПЕРЕХОДА К ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ МОДЕЛИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В БЕЛЬГИИ (1830-1916)**

католиков. Однако, уже через несколько лет им удается создать альянс (т.н. Антверпенский альянс) между радикальными либералами и прогрессивными католиками, и фламандскому вопросу удалось придать общенациональное значение. Последующие поколения интеллектуалов начинают выступать за признание нидерландского языка, как языка, имеющего равную с французским языком ценность. По их мнению, Бельгия должна была иметь два официальных языка и вести все административные дела на этих двух языках, и не только во Фландрии, но и в Валлонии. В противном случае, Фландрия должна была стать, как и Валлония, одноязычной территорией.

Но вскоре союз католиков и либералов разрушается из-за усиления франкофилов – противников Фламандского Движения – внутри либеральной партии, и разрыв углубляется в 70-80-е годы XIX века. Итог политической борьбы, на первый взгляд, кажется негативным для успешного разрешения языковой проблемы в стране, но есть и позитивная сторона борьбы партий: фламандский вопрос получает политическое значение. Политическая конкуренция все же способствует принятию первых трех языковых законов:

1) Закон Кореманса 1873 года (Wet-Coremans op het Gerecht) об использовании голландского языка в правосудии во Фландрии. По мнению известного бельгийского историка Мауритса Фруде этот закон стал возможен после того, как французский язык потерял свой престиж в результате поражения Франции в франко-прусской войне (1870-1871) (Vroede, 1975: 37).

2) Закон де Лаата 1878 года (Wet-De Laet) об использовании обоих языков в административной сфере.

3) Закон де Виня – Кореманса 1883 года (Wet-De Vigne-Coremans) о признании голландского в сфере среднего образования (закон не касался конфессионального образования)

Значение этих законов было огромно, так как, это по существу, было признанием со стороны властей двуязычного характера всего государства. Однако эти законы не вели к тому, чтобы в определенном лингвистическом регионе использовался лишь один язык. Пока еще это и не являлось требованием Фламандского Движения, которое в то время стремилось к приоритету голландского языка во Фландрии и одновременному использованию обоих языков в стране. Что касается франкоязычной верхушки, то для них эти законы существенно ничего не меняли, и в их глазах были лишь уступкой сделанной Фландрии.

В независимой Бельгии фламандцы составляли большинство в количественном плане, но потребовалось достаточно много времени для того, чтобы это демографическое превосходство переросло в политическое влияние.

Франкоязычное же население не воспринимало идею становления Валлонии двуязычным регионом. Поэтому франкофоны решительно выдвинули принцип территориальности в Валлонии, согласно которому, только один официальный язык использовался на одной определенной территории. Но в то же время, они выступили против того, чтобы этот принцип был применен по отношению к Фландрии.

В ответ на противостояние франкофилов, фламандцы решают изменить суть своих требований. С начала XX века они начинают требовать не только признания фламандского языка в качестве равноценного французскому, но и применения принципа территориальности во Фландрии. Фландрия должна была стать одноязычным (нидерландоязычным) регионом.

Валлоны же, в свою очередь, пытались блокировать дальнейшие попытки фламандцев проводить выгодные для последних законопроекты. Так, в 1895 году валлонское большинство бельгийского парламента не одобрило законопроект о равной силе законов на обоих языках, но это вылилось в небывалые народные волнения по всей Фландрии и постановку Фламандским Движением вопроса о неравных гражданских правах валлонов и фламандцев. В результате, нависла угроза внутреннего политического кризиса, и парламенту пришлось в 1898 году принять этот закон (de Gelijkheidswet).

В эти годы лидером Фламандского Движения становится профессор Свободного Брюссельского университета Людвик де Раат (Lodewijk de Raet) (1870-1914). Он впервые высказывает идею о синтезе национально-культурных и социально-экономических аспектов Движения, и говорит о взаимозависимости языковых и экономических интересов. Придя к выводу, что судьба Фландрии будет определяться экономическим благополучием, он начинает анализировать причины отсталости Фландрии на фоне динамичного развития тяжелой промышленности в Валлонии и находит их в отсутствии технических знаний фламандцев. Отсюда прослеживается единственный выход: полнейшая нидерландизация образования снизу доверху. Таким образом, Фламандское Движение концентрирует все свои усилия на нидерландизацию единственного государственного университета во Фландрии - Гентского (добились лишь во время Первой мировой войны). Это направление деятельности Движения было также важным из-за того, что дело касалось университетов, где формировались будущие управленческие кадры, и если бы они обучались на голландском языке, то это бы способствовало дальнейшей голландизации всей Фландрии.

По мнению Л. де Раата существовало три основных фактора для экономического роста: разработка полезных ископаемых; торговое и морское развитие Антверпена; обеспечение демографического роста. Но об эффективности этих трех факторов говорить было рано, так как, по словам де Раата, еще недостаточно была обеспечена рабочая сила (Willemsen, 1969: 5-11).

С таким набором проблем в сфере национальной политики Бельгия подходила к Первой мировой войне. Война внесла свои коррективы в планы Фламандского Движения по реформированию государственного устройства страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

MABILLE X., (1986), *Histoire politique de la Belgique*, BXL.

Конституции зарубежных стран., (1957), Сборник. М.

«Бельгия будет либо латинской, либо ее не будет вообще!» из статьи Lauwers T. Vlaamse beweging // <http://www.geocities.com/groep63/lauwers035.htm>

HAEGENDOREN M. van, *De Vlaamse Beweging nu en morgen, 1de deel*, Hasselt, Heideiland.

VROEDE M., (1975), *Le mouvement flamand en Belgique*, Anvers.

WILLEMSSEN A.W., (1969), *Het Vlaams nationalisme*. De geschiedenis van de jaren 1914-1940, Utrecht.